

УДК 808.2-3

А.Н. Дервяго

Потенциал имени собственного и художественный текст: основные подходы к изучению литературных онимов

Имя собственное выступает неординарным и неоднозначным явлением лексической системы языка. Онимическая семантика многокомпонентна, и каждый элемент ее представляется сосредоточием потенциально важных для речевой среды смысловых конструктов. Сигнификативный уровень семантики роднит и преимущественно уравнивает в статусе онимическую и апеллятивную лексику в сфере обозначения, однако денотативный и прагматический конституенты сферы называния обеспечивают существенное преимущество имен собственных над именами нарицательными. Возможность аккумуляции внутренней формой онимов разнообразных смысловых блоков энциклопедического, социокультурного, аксиологического характера способствует тому, что оним активно включается в систему декодирования речевой информации. Так что имя собственное становится воплощением языкового знака, обладающего максимально сконцентрированным смыслом. При этом в границах ономастического пространства существуют и такие онимические элементы, внутренняя форма которых по доминантным характеристикам состава и объема приближается к апеллятивной лексике.

Неоднозначность имени собственного проявляется и в среде текста. На уровне текстовой внешней и внутренней структуры сосуществуют всегда два онтологических компонента – оним и апеллятив как проекция в художественное пространство процессов объединения и различения элементов ряда. Так, в частности, при определении сущности поэтического текста мы можем гово-

речь об определенном образом выстроенной последовательности текстовых сегментов, элементы которых уравниваются по установленному признаку. Сегментные конструкции попадают под действие обычного для любого структурного образования закона не только присоединения, но и противопоставления. Ю.М. Лотман в книге «О поэтах и поэзии» отмечал, что «частные подструктуры более низкого уровня, которые, взаимопересекаясь, деавтоматизируют текст, вносят в него элементы случайности» [1]. Для организованного апеллятивного субпространства онимический конструкт (или конструкты) является этой частной подструктурой и одним из наиболее вероятных элементов случайности в ее семантическом и структурном понимании.

И эта случайность в системе текста неизбежно становится необходимостью. Обширный коннотативный макроэлемент семантики обеспечивает именно собственному одну из ведущих ролей в формировании сложного механизма хранения, преобразования и передачи информации. Оним, случайный относительно одной семантической субструктуры апеллятивов, является обязательным в другой и системным для общей организации внутренней формы поэтического произведения. Такой статус предоставляет поэтому право трансляции семантических векторов «дальнейшего» (термин А. Потебни) значения в границах всего смыслового пространства, что и актуализирует значение онима, и «создает практически неисчерпаемые информационные возможности» [1, с. 128]. Таким образом, лексический признак значения онимической (как и апеллятивной) единицы в стихе находится в особых условиях, которые определяются единством и теснотой стихотворного ряда, динамикой слова в стихе. В условиях ограниченной поэтической формы возрастает значимость каждого слова и его семантическая емкость.

Внутренняя форма поэтического текста формируется широким спектром семантических отражений словесных знаков. Все многообразие отношений, впечатлений и наблюдений автор вмещает в этот знак, однако одной только знаковой функцией оно не исчерпывается: на первый план выступает отражение смысла. Феномен создания поэтического произведения заключен в специфике процесса организации разрозненных смыслов в один целостный, когда «возникнув в мыслящем и говорящем сознании поэта, он (смысл) требует выражения, а предметная сторона его требует изображения; ... включенного в выражение, не изображения значений, то есть предметов, а смысла, включающего их в себя» [2]. «Выражающее изображение» смыслов есть основное стремление поэтической речи. Кроме того, основополагающей особенностью художественного текста может быть признана возможность неограниченного числа вариаций смысловых элементов и интерпретаций, так что «... чем значительнее, глубже произведение... тем дальше расходятся крайние точки возможных интерпретаций» [2, с. 123].

Особое устройство смысла, которое демонстрируют онимические единицы, позволяет им в структуре поэтического текста найти свою лауну: имя собственное в поэзии всегда выступает в качестве сигнала, привлекающего внимание, какую бы функцию ни выполняло, неизменно выступая в роли сильной смысловой позиции.

Понятие сильной смысловой позиции зачастую тесно связано в тексте с понятием прецедентности. Согласно определению Ю. Караулова, к прецедентным феноменам (коими являются тексты, имена, ситуации) относятся смысловые единицы, обладающие широкой известностью в среде национально-культурного сообщества, актуальные в познавательном и эмоциональном плане, обращение к которым в речи носит постоянный характер. Онимический знак внутритекстового пространства является результатом процесса, когда автор на базе слова-дескриптора создал некий индивидуализи-

рованный образ, вписав его в соответствующий контекст, способствующий раскрытию всех возможных смысловых приращений. Субъект, воспринимающий и текст и онимический знак в нем, дешифрует оним в собственной системе знаний и представлений о мире, в результате чего слово-декриптор попадает в новый индивидуализированный контекст, или обрастает новыми ассоциациями в рамках контекста существующего, или в слове выделяются некие необычные смысловые признаки.

Учитывая природу лексического знака, обнаруживающего большое число семантических повторов разных уровней, мы можем выявить смысловые связи онимов области межтекстового или даже сверхтекстового пространства. Существование онимознаков во внепоэтическом пространстве наделяет имена собственные новыми семантическими модуляциями, так что в системе художественного текста они нуждаются в дешифровке при помощи разных объективных и субъективных кодов. После чего наиболее статусные и актуальные онимические элементы на основе объединяющих их смысловых связей формируют собственный ономастический код, который, в свою очередь, становится дешифратором новых речевых контекстов с участием имен собственных.

Таким образом, оним является весьма актуальным и перспективным объектом лингвистического исследования. На современном этапе развития научного знания проблемам индивидуальных именованных уделяется много внимания. В том числе, исследования текстовых онимических единиц являются одной из наиболее динамично развивающихся и востребованных отраслей современной ономастической науки. Описываются и анализируются ономастиконы (в целом или их компоненты), представляющие как творчество определенного автора, так и тексты, объединенные по признаку принадлежности к конкретным временным периодам истории литературы или по признаку видовой/жанровой соотношенности (Л.И. Андреева, Е.А. Анисимова, А.Ф. Роголев, И.М. Петрачкова, В.М. Калинин, Э. Рудницка-Фира, Э. Славкова, М. Малец и др.). Активно привлекается в область исследований газетно-публицистический текст как наиболее динамичный слой, отражающий речевую область функционирования имен собственных (в частности, проблемами семантико-стилистического анализа онимов в газетном тексте занимается Л. Батурина, а в сфере научного освещения И. Ратниковой публицистический текст выступает базой для исследования онимических единиц вне прямой референции). Рассматриваются вопросы функциональности имен собственных как в практическом (И.Б. Воронова, И.П. Зайцева, Л.К. Никитина, В.И. Сенкевич и др.), так и в теоретическом (В. Калинин, Н. Васильева, А. Кожин, А. Мезенко, О.С. Андреева, С. Пак др.) аспектах; проблемы создания посредством имен собственных литературных аллюзий, а также элементов символической номинации (В.В. Шур, А. Бартошевич), исследуются особенности спектра семантических возможностей онимов как особых лингвистических знаков (Ю.А. Гурская, В.В. Слабоуз); определяются актуальные и перспективные направления расширения проблемного поля ономастики в целом (Е.Л. Березович) и литературной ономастики в частности (А.А. Фомин) и т.д.

Несмотря на столь активное внимание к проблемам семантики и функционирования имен собственных, за пределами исследований остается еще одна немаловажная проблема. Характер объекта и предмета исследования литературной ономастики как сегмента ономастического проблемного поля определяет ее неизбежную дислокацию на стыке лингвистики и литературоведения. Признание феномена имени собственного как сложно организованного языкового знака и текста как многосегментной структуры требует привлечения всего понятийного и методологического инструментария обеих названных научных дисциплин. Вопросы объединения научной теории, методологии и

методики языкознания и литературоведения в исследовании онимической лексики в художественном тексте, а также последующее определение механизма анализа внутритекстового ономастического пространства, внедрения его в учебный процесс остаются до сих пор открытыми.

Основной целью изучения литературных онимов должно стать, на наш взгляд, формирование целостного ономастического кода, основной функцией которого будет участие в декодировании информации, получаемой объектом извне. Остов этого кода составит набор статусных прецедентных именованных, связанных с номинацией существенно важных объектов действительности. В позиции сопряженных с остовом элементов попадут те именованные, которые являются компонентами сугубо индивидуальной ономастической картины мира. Онимы обозначенных параметров войдут как отдельная подструктура в состав субъективного тезауруса языковой личности и в силу того, что они не связаны с обозначением понятий, станут словами – символами, за которыми скрывается определенная область знаний.

Таким образом, потенциал имени собственного как объекта исследования достаточно широк. Магистральными направлениями изучения онимов в тексте традиционно являются внутренняя форма и характер участия их в организации смыслового и структурного облика текста. Описание ономастикона одного или нескольких авторских текстов, объединенных определенным числом общих черт, позволяет сформировать представление об ономастической картине мира создателя текста и дополнить собственный субъективный тезаурус новыми, наиболее статусными для индивидуального миропонимания ономастическими компонентами. Выработка же ономастического кода сделает возможным быстрее и точнее дешифровать воспринимаемую информацию, опираясь на объективную составляющую прагмакомпонента онимической семантики, и составить собственное мнение об информационном контексте и статусе входящих в него элементов. Все эти мыслительные операции представляются невыполнимыми и невозможными без привлечения к процессу познания сведений из нескольких сопряженных научных полей и без выработки некоей определенной системы действий по поиску смысловых соответствий между элементами существующего субъективного тезауруса и новыми воспринимаемыми компонентами. Именно таким образом можно, например, дешифровать онимы-знаки *Рим* или *Гёте*, которые являются неотъемлемыми компонентами смысла и неоднократно повторяются в поэтических текстах В. Брюсова, И. Бродского, О. Мандельштама и других поэтов; или определить причины употребления В. Коротковичем прецедентного онима *Рим* преимущественно в составе ссылочных пространственных ориентиров и выявить новые смысловые блоки прагмакомпонента имени собственного, появление которых напрямую связано с такой нестандартной для данной топонимной единицы позицией в тексте; или установить смысловые механизмы появления именованных типа *Понт Аквинский*, что обнаруживаются в поэзии А. Вознесенского, и объяснить еще целый ряд всевозможных смысловых феноменов ономастического пространства поэтического текста.

В потоке контекстной семантики имя собственное является особым, неповторимым информационным импульсом. Оно активизирует внимание в процессе перцепции текста, а затем зачастую проявляется как элемент, который организует или реорганизует внутреннюю форму строфы или стиха. Однако при этом не стоит оставлять за пределами исследования внешнюю организацию поэтического текста. В связи с этим нельзя назвать случайным тот факт, что наиболее значимые и статусные онимы авторы помещают в условия сильной позиции, в качестве которой выступают положение абсолютного начала/конца отдельного законченного стихотворного текста или начало/конец

строфы. Так, оним *Гёте* занимает одну из лидирующих позиций в антропонимном коде, воплощенном в поэзии XX в. Ведущие поэты В. Брюсов, Н. Гумилев, О. Мандельштам, И. Бродский включали в антропонимосферу своих поэтических текстов этот статусный онимический элемент. Расширение прагмакомпонента семантики антропонима *Гёте* прочно связано с особой ролью, которую сыграл денотат именованного в истории литературы и философии. Проблему возможности соединения идеала с жизнью автор трагедии «Фауст» в период Нового времени пытается решить в новой философской плоскости. Гёте, стараясь осмыслить проблему человеческих притязаний и возможности исчерпания желаний, постичь предел стремлений человеческого духа, становится знаковой фигурой мировой духовной культуры. Так что ссылки на это ролевое участие денотата именованного в формировании основ мировоззрения человека снова и снова ретранспируются в пределах авторских контекстов: «... И в длинном перечне, где Данте, где Вергилий, / И Гёте, Пушкин, где ряд дорогих имен, / Я имя новое вписал, чтоб вечно жили / Преданья обо мне, идя сквозь строй имен» [3]. Как и во внутренней форме текста, так и во внешней форме данный оним занимает означенную сильную позицию.

В составе топонимного кода одну из лидирующих позиций по объему семантики и частотности употребления традиционно является астионим *Рим*. Область общего смыслового блока включает архисему «вечный город», которая варьируется и дополняется разными семантическими приращениями в авторских контекстах. Последовательная семантизация онима наблюдается в поэтических системах И. Бродского и О. Мандельштама. Семантический блок фоновой информации астионима дополняется другими смысловыми конструкциями. Так, О. Мандельштам наделяет образ Рима чертами протосакральности. Его вековая незыблемость и значимость подчеркивается сравнением города с природой – вечной субстанцией мира вещей и идей. Однако камень, превращенный руками человека в величественные и монументальные произведения, все равно остается камнем, который со временем разрушается, тем не менее при своей жизни очерчивает место пребывания субстанции иного рода – человеческого духа: «Пусть имена цветущих городов / Ласкают слух значительностью брэнной. / Не город *Рим* живет среди веков, / А место человека во вселенной!» [4]. Таким образом, признавая особое положение Рима в истории цивилизации, поэт пытается отодвинуть пространственные и временные рамки, признавая приоритетность за человеком. Подобным антропоцентризмом отличается восприятие и оценка Рима И. Бродским: доминантное значение места остается, но акцент смещается на характер проявления человеческой жизни в отдельно взятом географическом месте, в данном случае, в городе: «Чем был бы *Рим* иначе? гидом, / толпой музея... / ... А так он – место грусти, выи, / склоненной в баре, / и двери, запертой на виа / дельи Фунари» [5]. Вся гамма культурных и исторических смыслов, связанных с импликационалом астионима *Рим*, позволяет Б. Пастернаку создать на базе астионима топонимную метафору *Рим*: «Но старость – это *Рим*, который / Взамен турусов и колес / Не читки требует с актера, / А полной гибели всерьез» [6]. Иные блоки прагматической информации могут быть выделены в семантике онима *Рим* в поэтическом тексте В. Короткевича. Автор, сохраняя архисему «вечный город» общего смыслового блока, использует астионим в качестве опознавательного знака факультативного характера. Такая нехарактерная для прецедентного онима позиция позволяет ослабить традиционные семы прагмакомпонента значения и дополнить семантику новыми смысловыми блоками «территориально и хронологически удаленное пространство» и «я воспринимаю это пространство как чуждое, так как это – не

родина»: «*Ўсе шляхі приводзяць не да Рыма, / А да родных вербаў і быроз. / Любая, ў барах сівых радзіма, / Сын твой нарадзіўся тут і ўзрос*» [7].

С пространством поэзии А. Вознесенского связано возникновение и функционирование топонимной единицы **Понт Аквинский**. В массиве топонимов поэтической системы пелагоним является окказиональным образованием. Оним создан по формуле древнегреческого названия Черного моря **Понт Эвксинский** «проприальная часть + дифференцирующее именование»: древнегреч. *понт* – «море», элемент *эвксинский* – «гостеприимный». Поэт оставляет первую часть именования неизменной, во второй заменяет корень на аква- – лат. вода, и в результате сигнификативное значение первообразного пелагонима ретранслируется на производный, в качестве денотата выступает квазитопообъект, а прагматический компонент наполняется смысловым блоком «безлика, вышедшая в «тираж» морская стихия»: «*По пляжу пиджачно-серый / Идет отставной сенатор... / ... И Понтом Аквинским смыло / в путевочном мире толп / заискивающую ухмылку и лоб, / похожий на боб*» [8].

Таким образом, смысловые составляющие информационного и связанного с ним функционального потенциала имени собственного представляют собой актуальную область исследований. Они, являясь компонентами языковой картины мира, существенно расширяют представления человека о мироустройстве и вносят ощутимый вклад в формирование и развитие гносеологических механизмов познания, что проявляется в способности онимических единиц аккумулировать и хранить разного рода информацию. Имена собственные, вписанные в прецедентное текстовое или внетекстовое окружение, составляют основу ономастического кода и, включаясь в декодирование информационных потоков, существенно расширяют область тезаурусных знаний человека. В силу важности и разноаспектности объекта изучения появляется необходимость выделения ономастических исследований, в том числе поэтического текста, в отдельную когнитивную отрасль учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лотман, Ю.М.** О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001. – С. 131.
2. **Вейдле, В.** Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / В. Вейдле. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 413.
3. **Брюсов, В.** Собрание сочинений: в 7 т. / В. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 2. – С. 95.
4. **Мандельштам, О.Э.** Сочинения: в 2 т. / О.Э. Мандельштам. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 1. – С. 96.
5. **Бродский, И.** Урания / И. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 95.
6. **Пастернак, Б.** Избранное: в 2 т. / Б. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1: Стихотворения и поэмы. – С. 329.
7. **Караткевич, Ул.** Збор твораў: у 8 т. / Ул. Караткевич. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1987. – Т. 1: Вершы і паэмы. – С. 40.
8. **Вознесенский, А.А.** Собрание сочинений: в 3 т. / А.А. Вознесенский. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 3. – С. 42.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of researching the onomastic elements of poetical text. The author shows the importance of revealing an actual semantic of the text onyms.

Поступила в редакцию 19.03.2007